

УДК 94 (571.1) «1861–1905»
DOI 10.17223/19988613/35/4

М.К. Чуркин

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВЛАСТНОМ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

Проблема формирования миграционного поведения российского крестьянства, как важного этапа включения в переселенческий процесс, в продолжении длительного временного отрезка осваивалась в системе координат позитивистской методологии. В результате мотив «бродяжничества», в определении причин миграционной мобильности земледельческого населения, взятый на вооружение в историографии, сочетался с традицией оценки миграционного поведения крестьянства в связи с малоземельем и обнищанием крестьянских дворов. Обращение к новому научно-исследовательскому методу деконструкции дискурсов даёт возможность обнаружить более широкий спектр участников дискурса и, как следствие, позиций, позволяющих обнаружить системность генезиса миграционных настроений в крестьянском сообществе без абсолютизации роли хозяйственно-экономических факторов.

Ключевые слова: миграционное поведение; властный дискурс; общественно-политический дискурс.

В отечественной историографии крестьянские переселения на восточные окраины империи оценивались в тесной связи с осмыслением природы внутреннего колонизационного процесса. Во многом поэтому проблема формирования миграционного поведения крестьянства, а также вариантов и способов реализации миграционной мобильности лиц сельского состояния в переселенческом процессе являлась предметом обстоятельного анализа представителями центральной и региональной властей, находила отклик в работах экономистов, историков, этнографов, географов, причём как современников и непосредственных участников переселенческого дела, так и последующих поколений исследователей.

Вместе с тем невозможно игнорировать очевидный факт, что осмысление переселенческого процесса, как наиболее существенного сегмента российской колонизации, а также его различных аспектов, значительную часть времени (по сути, от пореформенной эпохи до 90-х гг. XX в.) развивалось в рамках позитивистской методологической модели, сообразно с которой во главу угла была поставлена идея установления фактов, обнаружения типологически сходных явлений в истории и разработки законов, поверяемых исторической практикой. Бесспорным является то, что «блеск» российской позитивистской исторической школы определялся сочетанием социально-экономического подхода с активно проявляемым интересом к проблемам политического устройства, факторам становления гражданского общества и правового государства, развития монархии и конституционализма. В центре внимания историков-позитивистов постоянно присутствовало осознание аграрной истории как сложно структурированного социального процесса, что инициировало обращение к реальным судьбам простых людей, в частности крестьянства.

С другой стороны, уязвимость позитивистского подхода к истории, в том числе аграрной, в отечественной историографии заключалась в органической

зависимости исследователя от «государственного взора» на исторические события и явления. В данном отношении именно проблема переселенческого движения на восточные окраины империи, будучи политически экстраординарной, оказалась в большей степени вовлечена в поле зрения государственных структур и, в значительной мере, «отягощена» преобладанием экономических подходов и оценок содержательных аспектов миграций в пореформенной России.

Действительно, в оценке причин миграционной активности и оснований миграционного поведения крестьянства представители позитивистской линии в изучении вопроса уверенно называли факторы экономического порядка. При этом совершенно игнорировался факт участия в переселениях не только бедноты, но и состоятельных крестьян, сыгравших решающую роль в аграрной колонизации Сибири. Сбрасывался со счетов и так называемый психологический аспект миграционного процесса: роль коллективных представлений в традиционном обществе, во многом обуславливавших принятие крестьянством рискованных решений. Объективно переселенческая тема в отечественной историографии, с момента её рождения во второй половине XIX в. и до настоящих времён, осваивалась как следствие государственного заказа. Так, в дореволюционной историографии проблема аграрных миграций обсуждалась преимущественно на публицистическом уровне и рассматривалась в качестве важнейшего элемента текущей государственной политики. Ключевая интонация переселенческого дискурса первоначально сформировалась в обстоятельствах нерегулируемых, спонтанных переселений 1860–1870-х гг., когда государство не рассматривало задачу земледельческой колонизации Зауралья в качестве первоочередной, имея реальные представления о возможных финансовых инвестициях на нужды переселенческого дела, а также надеясь на достаточность внутренних ресурсов для урегулирования аграрных вопросов в территориальных границах Европейской России. В этой ситуации от-

дельные эпизоды эскалации миграционных настроений в крестьянской среде, связанные, главным образом, с реакцией сельского населения на половинчатость и незаконченность реформы 1861 г., были ошибочно оценены публицистами как «общая склонность русского народа к передвижениям» (об этом подробный разговор пойдёт ниже). В итоге данное ощущение было отражено в законодательных инициативах 1880-х гг., что предопределило хаотичность правительственных решений в сфере организации переселенческого дела. В дальнейшем переселенческая проблематика оказалась окончательно включенной в систему координат законодательной деятельности и официального делопроизводства, что определялось злободневностью аграрного вопроса в России, а общественные силы империи в оценках миграционного поведения крестьянства и переселенческой активности сельского населения принимали иницируемые государством «правила игры», ориентируя учёных и публицистов на формулирование рецептов решения текущей аграрной проблемы безотносительно глубинной рефлексии их содержания и структурных элементов. Процесс эскалации переселенческого движения, достигший своего пика к концу XIX – началу XX в., действительно ставил дореволюционных исследователей в весьма щекотливую ситуацию. Масштабы переселений и общая экстраординарная канва колонизации восточных окраин обязывали специалистов в переселенческом вопросе не только и не столько параметрально анализировать данное явление, сколько высказывать оперативные рекомендации по его реализации с учетом текущей политической, экономической ситуации и общественных настроений. Параллельно формировавшаяся в дореволюционной историографии вопроса линия, ориентированная на учет сложной композиции факторов, определявших содержание переселенческого движения (социально-психологических и природно-географических) и озвученная в работах И.А. Гурвича [1] и А.А. Исаева [2], не получила широкого научного резонанса в силу ярко выраженного диссонанса их воззрений с традиционной оценочной моделью, что выходило за рамки устоявшихся, окрашенных в тона политической ангажированности представлений о народных миграциях.

В советской и ранней постсоветской историографии обращение к переселенческой проблематике предполагало существование жёстких схем, смыслообразующими элементами которых являлись сугубо хозяйственно-экономические приоритеты причинности крестьянских миграций и критические оценки государственной переселенческой политики, потерпевшей, в конечном счёте, крах.

Ещё одним тяжёлым недугом отечественной историографии миграционного процесса пореформенной эпохи, проявившимся в контекстных параметрах позитивистского подхода, можно назвать общую дискретность объекта научной рефлексии. Переселенческая

тема оказалась прочно «пристёгнута» к обстоятельствам водворения и обустройства в Сибири; взаимозависимость и связь таких структур, как регион-донор и регион-реципиент, образующих единое колонизационное пространство, игнорировалась. На первый план при определении условий и причин формирования миграционных посылов в крестьянской среде выдвигались такие мотивы, как относительное малоземелье, дефицит угодий, финансовая несостоятельность главного субъекта колонизации – крестьянства.

Подобный подход начал формироваться еще в дореволюционный период, а в историографии советского времени приобрёл отчётливые догматические контуры. Исповедуемые принципы в изучении переселенческой проблематики предполагали и адекватный подбор источников, призванных, главным образом, иллюстрировать приоритет экономических побуждений в принятии крестьянами решений о переселении. Данная тенденция, определившая и внедрившаяся со временем в научную практику, на длительный период «избавила» историка от необходимости поиска новых тем и неожиданных «поворотов» в исследовании, обнаружении социально-психологических, природно-географических, политико-правовых, медико-демографических аспектов переселенческого процесса. Вне поля зрения историков, таким образом, оставался мощный пласт делопроизводственных материалов, которые содержали, например, серии крестьянских прошений о переселении, не вписывавшихся по своему содержанию в господствующую концепцию, сообразно с которой позиционировались причины миграционной активности населения. Фрагментарно прочитывались законодательные источники, а отсутствие у исследователей интереса к циркулярной практике правительственных учреждений позволяло специалистам делать скоропалительные выводы об отсутствии переселенческой политики вовсе. В конечном счёте эксплуатация однообразного круга источников и «узкое поле» их прочтения и интерпретации привели, глобально, – к иллюзорному ощущению исчерпанности темы, локально – к смешению таких различных понятий, как «миграция» и «переселения».

По нашему глубокому убеждению, именно обращение к содержанию властного и общественно-политического дискурсов второй половины XIX – начала XX в. предоставляет исследователю уникальную возможность «выломиться» из «прокрустовой ложи» позитивистских построений оценки переселенческого движения как явления исключительно хозяйственно-экономического порядка, выявить факторы и условия «запуска» механизма переселений как элемента миграционного поведения крестьянства. При этом под миграционным поведением понимается совокупность действий и отношений, детерминирующих переселения индивидов и социальных групп, либо отказ от них [3. С. 265].

Общественно-политический дискурс пореформенной эпохи относительно переселенческой проблематики

характеризовался включённостью в него широкого круга акторов, к числу которых относились представители центральных и региональных органов власти, крестьянские чиновники и чиновники Переселенческого управления, учёные, публицисты, лица крестьянского сословия. Соответственно, оценки причин, хода, результатов и перспектив переселенческого дела в России находили отражение в материалах официального делопроизводства (рапортах, отчётах, донесениях, чиновной переписке, крестьянских прошениях, ходатайствах и жалобах), законодательстве и циркулярной практике, отечественной прессе (корреспонденциях, тематических очерках, заметках), научных монографиях.

В указанный период резко возросшая миграционная активность крестьянства России, в особенности черноземной ее части, именно с подачи публицистов часто трактовалась как «инстинкт бродяжничества». В.Н. Григорьев писал, что иногда сами крестьяне, кроме малоземелья, как основной причины переселения, указывали на свойственное русскому крестьянину «непоседство» [4. С. 40–41]. Н. Серповский со ссылкой на сведения о переселениях из Пензенской губернии с 1865 г. отмечал свойственный выходцам из этой губернии «переселенческий зуд» [5. С. 79]. Н.В. Шелгунов на страницах издания «Азиатский вестник» пафосно констатировал, что «колонизация наша вызывалась не теснотой и не религиозными или политическими причинами, а больше авантюризмом и удачью, которыми отличались подвиги Дежнёва и Ермака» [6. Кн. 1. С. 29].

Частные эпизоды переселенческого движения в пореформенный период, выражавшиеся в бессмысленных, на первый взгляд, миграционных акциях, так же, как будто бы, подтверждают склонность крестьянства к немотивированному передвижению, бродяжничеству. Воронежский губернатор в ответах на анкету МВД о причинах переселений отмечал «какое-то общее стремление к передвижению» среди крестьян вверенной ему губернии [7. Л. 1–2]. Крестьяне Мценского уезда Орловской губернии летом 1862 г. без объяснения причин решили переселяться в Тобольскую губернию на вольные степи, несмотря на то что получили в надел всю барскую землю без остатка в пользу владельца. Тем не менее они от неё отказались, лишь бы пустили их на вольные земли. Слух об их переселении облетел округу, и все крестьяне решили уходить на вольную степь, не зная, разумеется, что это такое [8. С. 158]. По донесению местных крестьянских начальников в воронежскую губернскую земскую управу в различных уездах «наблюдаются такие факты, как сборы нескольких десятков семейств для переселений на новые места», а в отчётах о переселенческом движении прямо говорится о «бродяжнических» настроениях воронежских крестьян [9. Л. 2]. В рапорте орловского губернатора в МВД за 1874 г. сообщалось об особой «наклонности крестьян Трубчевского уезда к переселениям» [10. Л. 12].

В известной степени, заданная публицистикой и фрагментарно подкреплённая отдельными свидетельствами конвенция «бродяжничества», как основополагающего признака миграционного поведения крестьянства, была взята на вооружение правительственными структурами в 1870–1880-х гг., получив отражение во властном дискурсе. Наиболее предметно властный дискурс оказался запечатлён в законодательных инициативах и, главным образом, модели их реализации в регионах наибольшей миграционной активности населения. Так, отсутствие прямых запретов на переселения, зафиксированные Положением 19 февраля 1861 г., оговаривалось условием ликвидации потенциальными переселенцами всех недоимок. Неисполнение данного условия, носившее практически повсеместный характер, по сути «вскрывало» позиции центральной власти в отношении крестьянских миграций. Роль «суфлёра» властного дискурса, как правило, исполняли чиновники на местах. Например, в 1872 г. Воронежская казённая палата отказала Томской казённой палате в вопросе об исключении 146 душ крестьян Острогужского уезда ввиду неуплаты денежных недоимок по месту жительства [11. Л. 1]. Губернские по крестьянским делам присутствия, ссылаясь на правительственные директивы, пачками отклоняли крестьянские прошения о переселении в другие губернии с универсальной мотивировкой «Общество согласно уволить крестьянина (имярек) только при условии внесения недоимок» [Там же. Л. 2].

Преобладание во властном дискурсе опасений, связанных с подвижностью сельского населения, наглядно проявилось в секретном характере Временных правил о переселении крестьян в Сибирь 1881 г., основной смысл которых был зашифрован в следующем высказывании: «Предоставление освобождённому крестьянству широкой возможности переселения в Сибирь разовьёт среди них вредную подвижность и бродяжничество, с одной стороны, и предъявление «непомерных требований относительно пособий и ссуд» – с другой... Правительство признаёт это движение, допускает его при известных условиях, но не вызывает крестьян на переселение и, оказывая переселенцам лишь некоторое содействие, в то же время предоставляет им действовать на собственный их страх и риск» [12. Л. 29].

Тем не менее в общественно-политическом дискурсе исследуемого временного промежутка происходят постепенное переформатирование «гештальта», смена тональности, обусловленные рельефным проявлением аграрно-экологического кризиса в крестьянском землепользовании, серьёзно повлиявшим на качество жизни сельского населения. Включившиеся в дискурс представители агрономической науки, сопредельных ей сфер, а также деятели земств настойчиво фиксировали ухудшение условий земледелия в чёрноземных губерниях России. Агроном А. Советов, посетив летом 1876 г. губернии Центрально-Чернозёмной полосы

России, в своём отчёте писал: «Теперь здесь самая интенсивная в известном смысле культура, т.е. нет ни клочка нераспаханного. Всюду и везде поля с всевозможными красными и серыми хлебами» [13. С. 30]. Уполномоченный по сельскохозяйственной части Курской губернии А.И. Шахназаров сообщал, что «ещё 30 лет тому назад (в 70-е гг. XIX в.) Курская губерния превратилась в одно сплошное поле. Всё, что возможно было распахать, – распахано, леса сведены, уничтожены выгоны. Средняя цифра распаханных земель в губернии составляла в 1886 г. 79% всего количества земли. Остатки лесов сохранились только в крупных имениях: в мелких и крестьянских владениях леса почти уничтожены» (цит. по: [14. С. 26]). Земский статистик Ф.А. Щербина в отношении Острогожского уезда Воронежской губернии констатировал: «Урожаи за последние годы понизились, степей и лугов стало меньше, леса подвергаются истреблениям под влиянием непомерных запасов, погода изменилась к худшему: ветры стали дуть чаще и порывистее, дожди выпадают внезапно, участились сухие туманы, реки обмелели и засорились» [15. С. 4]. В одном из докладов орловской губернской земской управы указывалось: «Нельзя не обратить внимания на значительные изменения в последнее время климата средней чернозёмной полосы. Постоянные ветры, иссушающие почву, скудность дождя, суровая зима, резкие переходы от морозов к жарам вредно влияют на земледелие» [16. Л. 23 об.].

Симптоматично, что в многочисленных прошениях по разным поводам крестьян черноземных губерний, приходящихся на 1880-е гг., растиражированный исследователями мотив малоземелья встречается значительно реже сетований на критическое накопление недоимок, вызванных неурожами и общими неблагоприятными природными условиями, что, по мнению сельских обывателей, и привело к снижению качества жизни. В документах, исходящих из крестьянской среды, повсеместными становились следующие лингвистические конструкции: «...по случаю неурожая хлебов... падежа скота и градобитий, накопилось недоимок 15 000 рублей серебром...» [17. Л. 1–2]; «...неурожаи разорили нас...» [Там же. Л. 102]; «...озимые посевы полностью, яровые частично истреблены градом в 1880–1881 гг. ...» [18. Л. 26] и т.д.

В Тамбовской губернии практически все крестьянские прошения о переселении в Сибирь содержали жалобы крестьян на отсутствие выгонов и пастбищ, недостаток кормов для крупного скота [19. Л. 1–11 об.]. В ответ на запрос МВД о причинах «переселенческой лихорадки» в Воронежской губернии в 1880–1882 гг. местный губернатор, в первую очередь, сетовал на недоброкачественность сельскохозяйственных угодий, дефицит выгонов и пастбищных мест, завершая свой отчёт указанием на недостаток наделов, отметив при этом, что в некоторых уездах (Землянский, Богучарский) переселения бывших государ-

ственных крестьян вообще не вызвано экономическими соображениями [20. Л. 1–15].

Необходимо отметить, что для властного спектра дискурса 1880-х гг., отражённого в законодательной и равноуровневой делопроизводственной риторике, присуща идея выработки паллиативных мер, направленных на поддержание оседлости крестьянства. Декларируя для землепашцев, добившихся получения проходных свидетельств, широкий круг прав, циркуляры МВД рекомендовали местным властям сдерживать потенциальных мигрантов разумными советами и предостережениями о дороговизне пути и трудностях обустройства. Со своей стороны, уездные земские управы в переписке с губернаторами регулярно отчитывались о масштабах и результатах промысловой деятельности, а также направлениях промыслового отхода [21. Л. 4]. Обозначенный правительственный курс, верный выработанному направлению борьбы с «бродяжничеством» и нежелательной подвижностью крестьянства, получил поддержку и в части общества. В публицистическом и научном дискурсе 1880-х – начала 1890-х гг. заметное место принадлежит рассуждениям об оседлости крестьянства, не свойственной для данной категории населения тяге к перемене мест. Так, Б. Ленский писал, что «в наших переселениях выражаются не кочевые инстинкты, а наоборот, искание прочной земледельческой оседлости... Привыкшие к земледелию крестьяне, в условиях расстройств сельского хозяйства, постепенно забрасывали хозяйство на родине и, имея твёрдое пристрастие к земледельческому труду, рано или поздно принимали решение о переселении» [22. С. 42]. В. Португалов, констатируя консервативность сознания крестьян и их приверженность традиции, отмечал: «Если русскому человеку вздумается прогуляться по родной стране, то он начинает скучать на третьей же версте, и только и мечтает о том, как бы поскорее добраться до своей печки...» [23. С. 318]. По определению А.А. Исаева, «сельчане всю жизнь имеют одно занятие, которым и привязаны к одному месту, к своей малой родине. Крестьянин особенно цепко держится своих привычек и покидает родину только тогда, когда жить становится уже совсем не под силу» [2. С. 156].

Следует признать, что опыт промысловой деятельности крестьянства, как вариант своеобразного «прикрепления» крестьян к месту обитания посредством «маятниковой миграции», и, как следствие, выполнения правительственных установок, рядом исследователей расценивался не только как малоэффективный в экономическом отношении. И. Вернер, подводя итоги статистического исследования Курской губернии в 1887 г., констатировал, что попытки приискания крестьянами промысловых заработков на Кубани и в Ставрополье далеко не для всех завершились успешно. Из Щигровского уезда в текущем году был послан ходок в Тобольск и Томск, в результате чего 53 семьи отправились в Сибирь [24. С. 38]. Резюмируя,

И. Вернер привёл в своей работе известное изречение А. Васильчикова, характеризовавшего отхожий промысел как непрременную прелюдию и первый шаг к выселению [24. С. 2].

В конце 1880-х – начале 1890-х гг. тема промыслового отхода в губернском делопроизводстве становится доминирующей, причём представители местной администрации особо концентрировали внимание центральных властей на расширявшейся практике земледельческого отхода. Губернаторы чернозёмной полосы, выявляя слой крестьян, уходящих исключительно на земледельческие заработки, пришли к выводу, что таковых по Курской губернии насчитывалось 154 000, по Орловской – 69 000, по Тамбовской – 69 000, по Воронежской – 62 000 человек, а в общей сложности – 354 000 [25. С. 45]. Принимая во внимание, что общее число крестьян, уходивших на земледельческие заработки, по 131 уезду Центрально-Чернозёмного региона составляло 1 168 000 человек и практически вдвое превышало промысловый исход из Малороссии и Поволжья, на долю четырёх губерний центра приходилось более трети всех крестьян, задействованных в промысловой сфере [26. С. 25].

Таким образом, рассуждения А. Васильчикова оказались не пустой фразой. При этом в документах официального характера, в публицистике и научной литературе повсеместно утверждалось, что неизбежным следствием расширявшейся практики земледельческого отхода в исследуемых губерниях явилось стабильное накопление миграционного опыта (по сути – оформление миграционных биографий) крестьянством и психологическая готовность к переселениям как варианту сохранения сословной идентичности. Долговременные традиции земледельческого отхода в чернозёмной полосе Европейской России формировали в сознании крестьянства устойчивые жизненные ориентации, в соответствии с которыми приверженность основному роду занятий (земледелию) оценивалась выше, чем территориальные привязанности.

Заметное место во властном и общественно-политическом дискурсе 1880-х гг. – 1890-х гг., в связи с проблемой установления причин и факторов формирования миграционного поведения крестьянства и актуализации миграционных настроений, занимал вопрос о степени фатальности крестьянского малоземелья и попытках обнаружения более сложных, глубинных причин неблагополучия в сфере крестьянского землепользования. Действительно, оперируя материалами крестьянских прошений о переселении, составленных в 1890-х гг., исследователь неизбежно попадает под «очарование» крестьянской риторики, особенно в той ее части, где проблема малоземелья позиционируется как абсолютно приоритетная: «...здесь, в нашей местности, по малоземелью... жить стало тесно...» [19. Л. 10]; «...по малоземелью... жить стало крайне невыносимо...» [Там же. Л. 7]; «...земельный надел самый ничтожный, едва превышающий 10 десятин на ду-

шу...» [Там же. Л. 29]. Вместе с тем анализ крестьянских прошений наглядно демонстрирует их шаблонный характер, что объяснялось, прежде всего, позицией волостного писаря – человека образованного, в рассматриваемый период входившего в «бюрократические коридоры» и, соответственно, прекрасно знавшего, какие именно темы необходимо «педалировать» в крестьянских текстах. Кроме того, из пяти рассмотренных нами типичных прошений о переселении крестьян Тамбовской губернии Борисоглебского уезда одно оказалось написано либо самим просителем, либо другим писарем. В нём проситель, традиционно указывая на малоземелье, явно «проговаривается»: «...хотя и имеется в настоящее время на ревизскую душу 2,5 десятины...» [Там же. Л. 26].

По справедливому замечанию Э.М. Вернера, призывавшего историков к осторожности в работе с крестьянскими текстами, многие из крестьянских требований следует рассматривать как постоянно изменяющиеся объекты со многими потенциальными значениями [27. С. 203]. И далее: «Возможно, наиболее изменчивым объектом была земля. Требование земли, хотя и является всеобщим признанным, затемняло более важные вопросы и связанные с ними проблемы. Земля служила своего рода символом и паролем для целого комплекса скрытых от невооружённого взгляда и потому оставшихся незамеченными интересов. Значение такого дискурсивного объекта возникло из контекста... и зависело от соответствующих выигрышных позиций производителей-авторов и потребителей-читателей...» [Там же. С. 203–204].

Что же касается вопроса об абсолютном и относительном малоземелье, то «полемический пожар» в этой теоретической области был умело потушен А.А. Кауфманом, полагавшим, что крестьянские надежды действительно недостаточны, но только в масштабах господствующей в России системы хозяйства и уровня агротехники. По утверждению А.А. Кауфмана и его единомышленников, «крестьянские земли потеряли часть своей ценности от вековой дурной обработки и недостаточно удобрены; постепенно, введением улучшенной системы хозяйствования или хотя бы усиленным удобрением, плодородие их могло бы быть восстановлено, но крестьяне для этого средств не имеют» [28. С. 175].

В общественно-политическом дискурсе второй половины XIX – начала XX в., во многом благодаря А.А. Кауфману и его сторонникам, проблема хозяйственной инертности крестьянства, его невосприимчивости к новым агрикультурным технологиям и инновациям, получила отклик в широких слоях образованного общества, включённого в систему аграрного производства. В результате миграционная составляющая аграрного процесса с течением времени эмансипировалась от общепринятых стереотипизированных установок, в соответствии с которыми переселения соотносились исключительно с «бродяжническими инстинк-

тами» русского народа. В статьях, заметках, публицистических очерках, посвящённых проблемам аграрной реконструкции сельского хозяйства, наметилась конструктивная тенденция, которой был присущ поиск причин несостоятельности земледельческих хозяйств в сфере крестьянского традиционализма, соответственно происходило постепенное смещение дискурсивного поля в направлении социально-психологического контекста исследуемого вопроса.

Реакция представителей общества на несостоятельность организации традиционалистского крестьянского хозяйства восходит к эпохе Великих реформ, став впоследствии устойчивым дискурсивным элементом. Так, ещё А.А. Фет, организовавший накануне отмены крепостного права в Мценском уезде Орловской губернии капиталистическое хозяйство, писал, что «...новые машины не очень нравятся нашему крестьянину... Небогатый землевладелец Г. поставил молотилку и нанял молотников. Машина так весело и исправно молотила, что Г. приходил ежедневно сам на молотьбу. Через три дня рабочие стали требовать расчёта. Г. стал добиваться причины неудовольствия. Наконец, один из рабочих проговорился: “Да что, батюшка, невмоготу жить. Сами ходите под машину: ишь она, пусто ей будь, хоть бы запнулась”...» [8. С. 150].

Появление в пореформенный период земской агрономической службы так же не смогло поднять уровень крестьянской агрокультуры и изменить экономические стереотипы поведения. На первых порах агрономы часто сталкивались с непониманием важности своей работы, даже с откровенным недоброжелательством. В одном из отчётов сообщалось: «Крестьяне ропщут на непроизводительную трату их денег (на содержание агрономов, пчеловодов и т.д.), лекций их почти не посещают и над советами смеются» [14. С. 58]. В связи с этим обстоятельством многие перспективные инновации в сельском хозяйстве не получали дальнейшего распространения, не приносили ожидаемой отдачи. Например, фактически провалилась идея организации показательных хозяйств. После непродолжительных наблюдений агрономы в Тамбовской губернии пришли к выводу, что «роль показательных хозяйств сводится к показательному полю на них... Владелец хутора, связанный условием, смотрит на введение всевозможных улучшений в своём хозяйстве, на советы агронома, как на обузу, с которой он ещё мирится до получения всех субсидий от казны, а затем, в большинстве случаев, начинает игнорировать указания агронома» [Там же. С. 58–59]. К числу главных недостатков сельскохозяйственного опытного дела исследователи причисляли «его полную случайность» [29. С. 439].

В работе «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами» экономист П. Лохтин иронизировал: «Представить себе русского крестьянина, собирающего золу или кости для удобрения полей, так же трудно, как быка, танцующего поль-

ку. Одна из причин неиспользования удобрений – неудобное расположение земельных наделов» [30. С. 138]. Экономист Ф. Бар, рассуждая о необходимости коренных преобразований в сельском хозяйстве, фиксировал техническую и психологическую неподготовленность сельского населения к различного рода нововведениям: «Понятие о лучших приёмах обработки почвы, правильных севооборотах, плодосменах и т.п. доступно всякому крестьянину в более развитых странах и прибалтийских губерниях... Наши же крестьяне знают о лучших приёмах обработки почвы, о питательных средствах для растений... едва ли больше, чем ребёнок. Как батька жил, сеял и пахал, – так и сын, и внук» [31. С. 185].

Оживлённость общественно-политического дискурса в указанной области способствовала включению в его канву и представителей власти. В процессе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. была предпринята попытка обсудить и дать ответ на вопрос о причинах кризиса крестьянского хозяйства и путях его преодоления. В выступлениях М.М. Фёдорова, Р.Э. Ленца, А.Н. Куломзина содержались соображения о потребности «планомерного и сознательного приспособления сельского хозяйства к изменившимся условиям мирового рынка посредством качественного переустройства сложившейся в аграрном секторе системы: введением новых агрокультур, поднятием техники сельского хозяйства, рациональной организацией сбыта» [32. Л. 242].

Смещение акцента дискурса в сторону осмысления логики крестьянского поведения, реализуемой посредством организации хозяйственной деятельности, предопределило принципиальную «перезагрузку» во взглядах власти и общества на миграционное поведение земледельцев и переселенческий процесс. На рубеже XIX–XX вв. в центре обсуждения аграрной ситуации в стране всё чаще оказываются вопросы, связанные с ростом миграционных настроений в крестьянской среде. При этом мотив «бродяжничества» перестаёт быть доминирующим. Переселения государством и обществом воспринимаются, в большей степени, как объективная данность российской действительности, что находило выражение не столько в бесплодных спорах, сколько в практической работе, в частности организации учреждений, ответственных за регулирование переселенческого процесса: на государственном уровне – Комитет сибирской железной дороги (КСЖД), Переселенческое управление МВД, по инициативе и при поддержке социума – региональные общества по распространению в народе грамотности и т.д. Признание в правительственных сферах переселенческого движения де-факто и де-юре, озвученное в стартовый период деятельности КСЖД председателем Кабинета министров Н.Х. Бунге: «...затрудняя переселения, власти его не остановят, а увеличат только бедствия переселенцев» [33. Л. 1–2 об], в целом свиде-

тельствоvalo и об измене шаблонной политики в отношении подвижности крестьянства. Выяснилось, что разумные меры по регуляции переселенческого движения, разъяснительная работа учреждений и ведомств, участие общества в деле по организации переселенческого процесса позволяют увидеть в крестьянской миграционной подвижности не только, казалось бы, очевидную наклонность к бродяжничеству, но и холодный расчёт, и плоды коллегиальных решений. Переселенцы из Курской губернии, объясняя корреспонденту журнала «Вестник Европы» решение оставить родину, говорили: «Мы неспроста сунулись, у стариков поспрашали. А опосля в город наклались; справки наводили...» [34. С. 160]. По замечанию корреспондентов «Северного вестника», «...прежде чем переселиться, крестьяне обыкновенно долго думают и ищут возможности остаться дома. Малейшая надежда на более сносное устройство своих дел удерживает их от далёких и рискованных путешествий» [35. С. 76].

В многочисленных прошениях о переселении потенциальные мигранты, помимо формального обоснования причин, объяснявших стремление ухода на новые места, стремились аргументированно доказать целесообразность и незатратность для властей своего мероприятия. Общества крестьян Борисоглебского уезда Тамбовской губернии и Грайворонского уезда Курской губернии, ходатайствуя о переселении, не сговариваясь, апеллировали к опыту уже переселившихся односельчан, а также к их письмам о наличии достаточного фонда свободных земель [34. Л. 25; 36. Л. 7].

О том, что миграционная мобильность крестьянства как признак сложившегося миграционного поведения далеко не всегда воплощалась в акт переселения и уж тем более не имела ничего общего с «бродяжничеством», свидетельствуют нередкие факты отказа от переезда в Сибирь. В трёх однотипных крестьянских прошениях, адресованных крестьянами Воронежской губернии в местное по крестьянским делам присутствие, говорилось: «...от желания переселиться в Том-

скую губернию мы в настоящее время отказываемся, так как никаких средств на переселение не имеем и по прибытию в Томскую губернию мы не сможем приобрести необходимое хозяйственное имущество, поэтому желаем остаться на родине» [37. Л. 419; 38. Л. 106].

Таким образом, опыт деконструкции властного и общественно-политического дискурса, развернувшегося во второй половине XIX – начале XX в. вокруг проблемы миграционного поведения крестьянства с вовлечённостью в него широкого круга акторов, представляется нам продуктивным, по крайней мере, по двум основаниям.

Сходства и несовпадения репрезентаций миграционного поведения, как фактора переселенческого движения в оценочных суждениях представителей власти, прессы, публицистики, крестьянских прошениях, в условиях их внесистемного прочтения всегда сужали поле исследовательских возможностей, увлекали специалистов, изучающих переселенческий процесс в направлении эксплуатации типичных, находящихся на поверхности фактов. В конечном итоге возникла устойчивая иллюзия исчерпанности переселенческой проблемы, которая в действительности оказалась лишь тупиковой, с методологической точки зрения, «станцией». Выявление адресатов и адресантов дискурса, обстоятельств и условий создания текстов, диалог и полемичность источников позволяют различить новые грани в осмыслении оснований миграционного поведения самого массового социального слоя в Российской империи.

Наконец, эмоциональный накал дискурса, используемые в нём лингвистические конструкции, прочтение дискурса с обращением к современным достижениям гуманитарной науки, прежде всего социальной психологии, дают уникальную возможность вычленения человека – носителя миграционных установок – из схематического контекста хозяйственно-экономических обоснований его поступков и социального поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурвич И.А. Переселения крестьян в Сибирь. СПб., 1888.
2. Исаев А.А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб., 1891.
3. Прибыткова И.М. Миграционное поведение и качество жизни населения в концептуальном и эмпирическом измерениях // Миграция и развитие : матер. междунар. конф. (Пятое Валентеевские чтения). М. : МГУ, 2007.
4. Григорьев В.Н. Переселения крестьян Рязанской губернии // Русская мысль. 1884. № 1.
5. Серповский Н.Г. Переселения в России в древнейшее и новое время. Ярославль, 1885.
6. Шелгунов Н.В. Что такое Азия? СПб., 1872.
7. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
8. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М. : НЛО, 2001.
9. ГАВО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1877.
10. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. 580. Оп. 1. Д. 2290.
11. ГАВО. Ф. 26. Оп. 16. Д. 167.
12. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 394.
13. Советов А. Краткий очерк агрономического путешествия по некоторым губерниям чернозёмной полосы России в течение лета 1876 года. СПб., 1876.
14. Иванов А.А. Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны : дис. ...канд. ист. наук. М., 1998.
15. Щербина Ф.А. Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887.
16. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 51.
17. ГАВО. Ф. 26. Оп. 28. Д. 55.
18. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2572.

19. Государственный архив Тамбовской области. Ф. 3. Оп. 44. Д. 290.
20. ГАВО. Ф. 26. Оп. 22. Д. 80.
21. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3083.
22. Ленский Б. Крестьянские переселения // Дело. 1881. № 12.
23. Португалов В. Двести лет спустя // Дело. 1881. № 8.
24. Курская губерния. Итоги статистического исследования / под ред. И. Вернера. Курск, 1887.
25. Шаховской Н.В. Земледельческий отход крестьян. СПб., 1903.
26. Карышев Н.А. Труд, его роль и условия приложения в производстве. СПб., 1897.
27. Вернер Э.М. Почему крестьяне подавали прошения и почему не следует воспринимать их буквально (по материалам Юрьевского уезда Владимирской губернии во время революции 1905 года) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : матер. междунар. конф. М. : РОССПЭН, 1996.
28. Кауфман А.А. Община. Переселения. Статистика. М., 1915.
29. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XIX: Курская губерния.
30. Лохтин П. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901.
31. Бар Ф. Коренное преобразование крестьянского хозяйства и общинного землевладения. М., 1903.
32. РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 8.
33. РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 1011.
34. Пономарёв С. Лето среди переселенцев // Вестник Европы. 1884. Т. 5.
35. Внутреннее обозрение // Северный вестник. 1891. № 6.
36. ГАКО. Ф. 239. Оп. 1. Д. 1.
37. ГАВО. Ф. 26. Оп. 30. Д. 68.
38. ГАВО. Ф. 26. Оп. 31. Д. 57.

Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru

MIGRATORY BEHAVIOR OF THE RUSSIAN PEASANTRY IN THE GOVERNMENT AND THE PUBLIC AND POLITICAL DISCOURSE SECOND HALF XIX – EARLY XX CENTURIES.

Keywords: migration behavior; power discourse; social and political discourse.

In the article the author attempts to identify participants and reveal the meaning of power discourse and social and political discourse in the frame of factors and conditions of forming migration behaviour of the peasantry of Russia in the post-reform period. It is evident that the problem of the formation of migration behavior of the Russian peasantry as an important phase to join in the resettlement process, was being adjusted for a long time within the coordinate system of the positivism methodology. As a result, the reflection of the migration movement to Siberia, circumstances of structuring migration intentions and migration behaviour of the rural population, was carried out either with an emphasis on the idea unmotivated mobility of the peasantry, “the tendency to vagabondage”, or on economic failure of peasant households. The method of deconstructing discourses, based on the detection of its recipients and the senders, the circumstances and conditions of creating texts, allowed to detect new distinctions of understanding the reasons for migration behaviour of the most mass social layer in the Russian Empire. The study showed a lack of direct correlation between the peasant shortage of land and migration activity. It was proved that “the motive of vagabondage” was originally replicated in publicism and later became widespread in power discourse in order to regulate mass character of the resettlement process. The shift of the emphasis of discourse towards understanding the logic of peasant behavior, implementing through the organization of economic activity, predetermined the fundamental “reset” in the views of the authorities and society on the migration behaviour of farmers and the resettlement process. At the turn of XIX–XX centuries, the centre of the agricultural situation in the country was increasingly the issues associated with higher migration intentions in the peasant rural. With population growth, migration, with legislation registration and circular practices, the intonation and meaning of social and political discourse and power discourse changed. Migration activity of the peasantry in journalistic articles, materials of clerical nature was regarded as the response of the peasantry to the manifestation of the crisis in the agricultural and environmental sector. The authority were confident that the solution of the agrarian issue was possible with the help of palliative means of self-resourceful character (agricultural fields), and it meant the understanding of the importance and relevance of the organization of the resettlement case. The emotional stress of the discourse, linguistic structures which were used, the reading of the discourse through the modern achievements of the human sciences, especially by means of social psychology, provide a unique opportunity to identify a human being as a carrier of migration attitude due to schematic context of the economic grounds of his actions and social behavior.

REFERENCES

1. Gurvich, I.A. (1888) *Pereseleniya krest'yan v Sibir'* [Migration of peasants to Siberia]. St. Petersburg.
2. Isaev, A.A. (1891) *Pereseleniya v russkom narodnom khozyaystve* [Migration in the Russian economy]. St. Petersburg: A.F. Tsinzerling.
3. Pribytkova, I.M. (2007) [Migration behavior and quality of life in conceptual and empirical measurements]. *Migratsiya i razvitie* [Migration and development]. Proc. of the International Conference. Moscow: Moscow State University.
4. Grigor'ev, V.N. (1884) *Pereseleniya krest'yan Ryazanskoy gubernii* [Migration of peasants in Ryazan province]. *Russkaya mysl'*. 1.
5. Serpovskiy, N.G. (1885) *Pereseleniya v Rossii v drevneyshee i novoe vremya* [Migration in Russia in ancient and modern times]. Yaroslavl: G.V. Falk.
6. Shelgunov, N.V. (1872) *Chto takoe Aziya?* [What is Asia?] St. Petersburg.
7. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 22. File 80. (In Russian).
8. Fet, A.A. (2001) *Zhizn' Stepanovki, ili Liricheskoe khozyaystvo* [The life of Stepanovka, or lyrical economy]. Moscow: NLO.
9. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 20. List 1. File 1877. (In Russian).
10. The State Archive of Orel Region (GAOO). Fund 580. List 1. File 2290. (In Russian).
11. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 16. File 167. (In Russian).
12. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1273. List 1. File 394. (In Russian).
13. Sovetov, A. (1876) *Kratkiy ocherk agronomicheskogo puteshestviya po nekotorym guberniyam chernozemnoy polosy Rossii v techenie leta 1876 goda* [A brief sketch of an agronomy travel to some provinces of black soil zone of Russia during the summer of 1876]. St. Petersburg.
14. Ivanov, A.A. (1998) *Krest'yanskoe khozyaystvo Chernozemnogo Tsentra Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* [The farm household in the Black Soil Center of Russia before and during the First World War]. History Cand. Diss. Moscow.
15. Shcherbina, F.A. (1887) *Krest'yanskoe khozyaystvo po Ostrogozhskomu uезду* [The farm household in Ostrogozhsk county]. Voronezh: n.s.
16. The State Archive of Orel Region (GAOO). Fund 525. List 1. File 51. (In Russian).
17. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 28. File 55. (In Russian).
18. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 1. List 1. File 2572. (In Russian).

19. The State Archives of Tambov region. Fund 3. Op.List 44. File 290. (In Russian).
20. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. Op. List 22. File 80.
21. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 1. List 1. File 3083.
22. Lenskiy, B. (1881) Krest'yanskie pereseleniya [Migration of peasants]. *Delo*. 12.
23. Portugalov, V. (1881) Dvesti let spustya [Two hundred years later]. *Delo*. 8.
24. Verner, I. (ed.) (1887) *Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskogo issledovaniya* [Kursk province. The results of statistical research]. Kursk: n.s.
25. Shakhovskoy, N.V. (1903) *Zemledel'cheskiy otkhod krest'yan* [Agricultural migration of peasants]. St. Petersburg: n.s.
26. Karyshev, N.A. (1897) *Trud, ego rol' i usloviya prilozheniya v proizvodstve* [The work, its role and terms of applications in production]. St. Petersburg: O.N. Popova.
27. Werner, E.M. (1996) [Why peasants petitioned and why they should not be taken literally (on materials of Tartu County of Vladimir province during the 1905 revolution)]. In: *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii (XIX–XX vv.)* [Mentality and agricultural development in Russia (the 19th–20th centuries.)]. Proc. of the International Conference. Moscow: ROSSPEN.
28. Kaufman, A.A. (1915) *Obshchina. Pereseleniya. Statistika* [Community. Migration. Statistics]. Moscow: n.s.
29. Anon. (1903) *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti* [Proceedings of the local committees of the needs of the agricultural industry]. St. Petersburg: n.s. Vol. XIX.
30. Lokhtin, P. (1901) *Sostoyanie sel'skogo khozyaystva v Rossii sravnitel'no s drugimi stranami* [Russian agriculture compared to other countries]. St. Petersburg: Book Shop Posrednik.
31. Bar, F. (1903) *Korennoe preobrazovanie krest'yanskogo khozyaystva i obshchinogo zemlevladieniya* [Radical transformation of peasant farming and communal land tenure]. Moscow: V. Demakov.
32. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 1233. List 1. File 8. (In Russian).
33. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 391. List 1. File 1011. (In Russian).
34. Ponomarev, S. (1884) Leto sredi pereselentsev [Summer among the settlers]. *Vestnik Evropy*. Vol. 5.
35. Vnutrennee obozrenie [The internal review times]. (1891) *Severnyy vestnik*. 6.
36. The State Archive of the Kursk region (GAKO). Fund 239. List 1. File 1. (In Russian).
37. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 30. File 68. (In Russian).
38. The State Archives of Voronezh region (GAVO). Fund 26. List 31. File 57. (In Russian).